

*Роберту Моррисону и Гревелу Линдону,
которые направляли мое путешествие
в мир Томаса Де Квинси*

ВСТУПЛЕНИЕ

На первый взгляд кажется удивительным, что Англия середины Викторианской эпохи, славившаяся своей чопорностью, буквально сошла с ума от нового жанра художественной литературы — детективного романа. Вышедший в 1860 году роман Уилки Коллинза «Женщина в белом» положил начало тому, что викторианские критики определили как «детективомания». Она оказалась сродни «вирусу, распространяющемуся во всех направлениях», и удовлетворяла «потаенные, нездоровые желания».

Корни нового жанра лежат в готических романах предыдущего столетия с той только разницей, что авторы детективов помещают своих героев не в древние мрачные замки, а во вполне современные дома привычной викторианской Англии. Тьма имеет вовсе не сверхъестественное происхождение. Она гнездится в сердцах с виду респектабельных граждан, чья личная жизнь полна ужасающих тайн. Безумие, инцест, насилие, шантаж, детоубийство, поджоги, наркозависимость, отравления, садомазохизм и некрофилия — вот далеко не полный перечень «скелетов в шкафу», которые, по мнению авторов, скрывались за внешним викторианским лоском.

При ближайшем рассмотрении выясняется, что повальное увлечение новым жанром, вытаскивающим

на свет божий мрачные тайны, являлось естественной реакцией на всеобщую скрытность, характерную для того времени. Трудно даже представить, до какой степени англичане среднего и высшего класса отделяли свою частную жизнь от общественной и насколько тщательно скрывали истинные чувства от посторонних. Общепринятая практика держать окна постоянно зашторенными очень хорошо отражает отношение англичан викторианского времени к своему дому и частной жизни: это священная территория, откуда можно выглядывать наружу, но заглядывать куда запрещено. Тайнами изобиловал каждый дом, их наличие считалось чем-то само собой разумеющимся и не касающимся никого из посторонних.

Скандалный, не вписывающийся в свою эпоху Томас Де Квинси, чьи теории о сверхъестественном на семьдесят лет предвосхитили учение Фрейда, так высказался о всеобщей сдержанности и привычке скрывать личную жизнь: «В одном, по крайней мере, я уверен: ум лишен способности забывать; тысячи случайных событий могут и будут создавать пелену между нашим сознанием и тайными письменами памяти, и тысячи таких же событий, в свою очередь, могут разрывать ту пелену, но, так или иначе, письма те вечны; они подобны звездам, которые, казалось бы, скрываются перед обычным светом дня, однако мы знаем: свет — лишь покров, наброшенный на светила ночные, и ждут они, чтоб проявиться вновь, покуда затмевающий их день не сокроется сам».

Де Квинси стал знаменитым, когда совершил поступок, доселе невероятный: выставил напоказ личную жизнь в знаменитом бестселлере «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум». Уильям Берроуз позднее охарактеризовал это произведение как «первую и до сих пор лучшую книгу о наркотической зависимости».

Жутковатая проза Де Квинси, в особенности эссе «Убийство как одно из изящных искусств», позволяет назвать его родоначальником детективного жанра. Указанное произведение, шокирующее неподготовленного читателя, проливает свет на знаменитые убийства на Рэтклифф-хайвей, которые в 1811 году привели в ужас население Лондона и всей Англии. Заманчивой выглядит идея сравнить эффект, произведенный этими преступлениями, со страхом, охватившим лондонский Ист-Энд уже в конце девятнадцатого века, в 1888 году, когда несколько нашумевших убийств совершил Джек-потрошитель. При этом оказывается, что паника, последовавшая за событиями на Рэтклифф-хайвей, была значительно более масштабной. Причина в том, что эти зверские массовые убийства оказались первыми в своем роде, сведения о которых быстро распространились по стране, — все благодаря растущей значимости газет (в одном только Лондоне их в 1811 году насчитывалось пятьдесят две) и недавно усовершенствованной системе доставки корреспонденции почтовыми каретами, которые колесили по всей Англии с постоянной скоростью десять миль в час.

Кроме того, все убитые Потрошителем были проститутками, в то время как жертвы убийств на Рэтклифф-хайвей — это деловые люди и их семьи. Джека-потрошителя боялись только «ночные бабочки», а причины испытывать страх перед убийцей 1811 года имел буквально каждый житель Лондона. Подробности того, как преступник расправился со своими жертвами, можно найти в первой главе данного повествования. Кому-то они могут показаться шокирующими, отвратительными, но все основано на исторических свидетельствах.

Много времени утекло с тех пор, как мы прочитали Томаса Де Квинси, но описанный им кровавый ужас все еще свеж в памяти и не утратил своей чудовищной силы. И по сию пору каждая ночь заставляет нас снова и снова дрожать от парализующего волно и невероятно реального страха и вызывает к жизни кошмары, на которые мы обречены тем фактом, что ознакомились с творчеством Де Квинси.

British Quarterly Review, 1863

ГЛАВА 1

«Художник смерти»

...Для создания истинно прекрасного убийства требуется нечто большее, нежели двое тупиц — убиваемый и сам убийца, а в придачу к ним нож, кошелек и темный проулок. Композиция, джентльмены, группировка лиц, игра светотени, поэзия, чувство — вот что ныне полагается необходимыми условиями для успешного осуществления такого замысла. Подобно Эсхилу или Мильтону в поэзии, подобно Микеланджело в живописи, великий убийца доводит свое искусство до пределов грандиозной величественности.

Томас Де Квинси. Убийство как одно из изящных искусств

Лондон, 1854 год

Говорят, что Тициан, Рубенс и ван Дейк всегда писали картины, будучи при полном параде. Прежде чем увековечить свои видения на холсте, они принимали ванну и таким образом символически очищали сознание от всего постороннего. Потом надевали лучшую одежду, наикрасивейшие парики, а в одном случае имела место еще и шпага с усыпанным бриллиантами эфесом.

«Художник смерти» готовился похожим образом. Он надел вечерний костюм и два часа сидел, уставившись в стену, — сосредоточивался. Когда на город

опустились сумерки и в комнате с занавешенным окном стало темно, он зажег масляную лампу и стал складывать в черный кожаный саквояж свои аналоги кистей, красок и холстов. Был там и парик (вспомним Рубенса) — желтый, ничуть не похожий по цвету на его светло-каштановые волосы. Еще он брал с собой такого же цвета накладную бороду. Десять лет назад бородач привлек бы к себе всеобщее внимание, но последние веяния в моде, наоборот, заставили бы окружающих оборачиваться при виде человека с чисто выбритым подбородком. Среди прочих предметов он поместил в саквояж тяжелый молоток корабельного плотника — старый, с буквами J. P., нацарапанными на ударной части. Вместо инкрустированной бриллиантами шпаги, которую цеплял во время работы на пояс один из художников прошлого, наш «художник» положил в карман бритву с ручкой из слоновой кости.

Он покинул свое логово, прошел пешком несколько кварталов до оживленного перекрестка, чтобы поймать кеб. Через две минуты рядом остановился свободный экипаж; возница гордо возвышался над его блестящим верхом. «Художник смерти» ничуть не обеспокоился тем, что торчит этим промозглым декабрьским вечером у всех на виду. В данный момент он даже хотел, чтобы его видели; впрочем, это было бы затруднительно — с Темзы на город быстро надвигался туман, окружая газовые фонари светящимся ореолом.

«Художник» сунул вознице восемь пенсов и велел отвезти его на Стрэнд, к театру Адельфи. Ловко пробираясь меж заполонивших улицу экипажей, уворачиваясь от хрипящих лошадей, кеб направлялся к толпе хорошо одетых горожан, ожидающих, когда их пустят внутрь. Светящиеся буквы над входом извещали, что сегодня в театре дают нашу шумевшую мелодраму

«Корсиканские братья». «Художник смерти» был хорошо знаком с пьесой и легко мог ответить на любой вопрос о ней, особенно касаясь необычного режиссерского хода в двух первых актах: события в них разворачивались последовательно, хотя на самом деле (и зрителю предстояло это вообразить) происходили в одно время. В первом акте один из братьев видит призрака своего близнеца, а во втором зрителю в красках показывают, как в ту же самую минуту близнеца убивают. Во второй половине пьесы оставшийся в живых брат мстит убийцам, мстит жестоко, так что сцену буквально заливают потоки бутафорской крови. Многие посетители театра приходили от увиденного в ужас, но их праведный гнев только способствовал росту популярности пьесы.

«Художник смерти» слился с возбужденной толпой и вместе со всеми вошел внутрь. Карманные часы показывали двадцать минут восьмого. Занавес должны будут поднять через десять минут. В царящей в фойе суматохе он миновал служащего, который предлагал всем ноты «Темы призрака» — мелодии, звучащей в пьесе, — открыл боковую дверь, прошел немного по скрытому туманом переулку и притаился в тени за грудой ящиков. Там он просидел десять минут, терпеливо дожидаясь, не появится ли кто следом.

Убедившись, что все чисто, «художник» выбрался из переулка, прошагал два квартала и снова поймал кеб. Ждать ему на этот раз не пришлось, поскольку свободные экипажи, высадившие седоков возле театра, один за другим двигались по улице. В этот раз путь «художника» лежал в менее фешенебельную часть города. Он закрыл глаза и слушал, как колеса сначала мягко шелестят по ровным гранитным мостовым центральным улиц, а затем подскакивают на мелком не-

обработанном булыжнике старинных переулков лондонского Ист-Энда. Когда «художник» вышел из кеба в районе, где редко встретишь человека в вечернем костюме, возница, несомненно, решил, что седок собирается снять здесь проститутку.

Зайдя в общественную уборную, «художник» достал из саквояжа менее презентабельную одежду и переоделся, а ненужный пока вечерний костюм аккуратно уложил в саквояж. Затем «художник» углубился в узкие улочки, и чем дальше он уходил, тем более убогие дома встречались по пути. Он нарочно перепачкал костюм и заляпал кожаный саквояж грязью. По дороге ему встретился извозчий двор; туда зашел чисто выбритый мужчина со светло-каштановыми волосами, а вышел — с желтой бородой и в такого же цвета парике. Модный складной цилиндр давно уступил место потертой матросской шапке. Плотницкий молоток теперь лежал в кармане рваного матросского плаща.

Прошло два часа, а «художник» все шел вперед. Он никуда не торопился, и столь долгое путешествие его не утомляло. Он даже рад был возможности во всех подробностях еще раз прокрутить перед мысленным взором предстоящую композицию. Наконец под покровом густого тумана он приблизился к цели своего путешествия — ничем не примечательному магазинчику, в котором продавалась одежда для моряков, которых было полно в этом районе, вблизи от лондонских доков.

Он остановился на углу и достал из кармана часы, предварительно удостоверившись, что никто их не увидит. Часы были совершенно чужеродным элементом в здешних бедняцких кварталах, и любой случайный прохожий сразу бы заподозрил, что «худож-

ник» совсем не тот человек, за которого себя выдает. Стрелки показывали почти десять. Пока все шло по расписанию. Во время предыдущих посещений «художник» заметил, что местный полицейский проходит по этой улочке в пятнадцать минут одиннадцатого. Точность была отличительной чертой служителей порядка, и каждый патрульный ежечасно совершал двухмильный обход. Время появления полисмена возле магазинчика редко отличалось больше чем на минуту-другую.

Единственным человеком на улице, помимо «художника», была проститутка, которую даже холод не заставил вернуться в ту убогую дыру, которую она называла домом. Женщина шагнула было к потенциальному клиенту, но «художник» так на нее зыркнул, что бедняжка резко остановилась и поспешила скрыться в тумане в противоположном направлении.

Он снова обратил внимание на магазин и заметил, что стекло в единственном окне покрывает тонкий слой пыли и происходящее внутри можно разобрать с трудом. На улице появился мужчина и опустил на окно жалюзи, — как обычно, магазин закрылся в десять.

Когда мужчина вернулся внутрь, «художник» быстро пересек пустую улицу и подошел к двери. Если бы она оказалась уже заперта, он бы постучал в надежде, что торговец не откажется посвятить пять минут припозднившемуся покупателю и, возможно, продать еще пару брюк. Но дверь была лишь прикрыта; она скрипнула, когда «художник» толкнул ее и зашел в магазин, где было лишь немногим теплее, чем на улице.

Хозяин, как раз собиравшийся погасить висевшую на стене лампу, обернулся на шум. Ему было лет три-

дцать — худой, бледный, с тоской во взгляде, одет в черную рубашку со стоячим воротничком. Одна пуговица на рубашке отличалась от остальных по цвету. Внизу на брюках была бахрома.

Нуждается ли высокое искусство в достойном предмете? Иными словами, произведет ли убийство королевы больший эффект, чем убийство простого гражданина? Нет. Цель убийства как искусства — пробудить жалость и страх. Никто не станет жалеть убитую королеву, или, скажем, премьер-министра, или какого-нибудь состоятельного человека. Люди, скорее, испытают чувство недоверия, оттого что даже сильные мира сего не застрахованы от смертельного удара. Но потрясение длится не так долго, как жалость.

Нет, жертвой должен стать человек молодой, упорно работающий от восхода до заката, но с незavidным материальным положением; с надеждами и амбициями, с далеко идущими планами, несмотря даже на владеющее им уныние. У жертвы обязательно должны быть любящая жена и дети, находящиеся на его иждивении. Жалость, слезы — вот необходимые составляющие изящного искусства.

— Собирались запереться? Хорошо, что я успел, — закрывая дверь, сказал «художник».

— Жена готовит ужин, но время еще для одного покупателя всегда найдется. Итак, чем могу помочь?

Худой владелец магазина, похоже, не заметил, что борода у припозднившегося покупателя фальшивая; ничем он не показал и того, что узнал посетителя, который неделей раньше уже приходил к нему в ином обличье.

— Мне нужно четыре пары носков. — «Художник» пригляделся и ткнул пальцем за прилавок. — Толстых. Вроде тех, что лежат вон на той полке.

— Четыре пары? — переспросил хозяин. Судя по его тону, мало кто совершал такие серьезные покупки. — Они стоят шиллинг за пару.

— Это слишком дорого. Я надеялся на меньшую цену, раз уж беру несколько. Наверное, стоит поискать в другом месте.

За ведущей внутрь дома дверью послышался детский плач.

— Похоже, кто-то голоден, — заметил «художник».

— Лора. Боже, когда она не голодна? — Хозяин вздохнул. — Я добавлю еще пару. Будет пять пар за четыре шиллинга.

— Идет.

Когда хозяин направился к прилавку, «художник» быстро подался назад и задвинул засов на входной двери. Чтобы шум не вызвал подозрений, он громко кашлянул; впрочем, за шарканьем ног торговец и так ничего бы не услышал. Убийца вытащил из кармана молоток и пошел следом.

Хозяин шагнул за прилавок и протянул руку к верхней полке. Носки эти «художник» присмотрел в свой прошлый визит неделю назад.

— Эти?

— Ага, эти. Из плотной ткани.

«Художник» замахнулся молотком. Орудие убийства имело широкую ударную поверхность, оно с шумом рассекло воздух и врезалось в череп торговца. Силы убийце было не занимать. Раздался звук, похожий на тот, с каким раскалывают кусок льда. Несчастный застонал и начал падать. «Художник» нанес еще один удар по голове оседающей на пол жертвы, и на этот раз молоток влажно чмокнул.

Убийца достал из саквояжа рабочий халат и надел поверх одежды. Шагнув за прилавок, он вытащил

бритву, открыл ее и, откинув назад изуродованную жестокими ударами голову хозяина магазина, перерезал ему горло. Превосходно заточенное лезвие вошло в плоть, словно в масло. Хлынувшая из раны кровь забрызгала разложенный на полках товар.

Висящая под потолком лампа, казалось, засияла ярче.

Изящное искусство.

За дверью снова заплакал ребенок.

Убийца отпустил обмякшее тело, и оно почти беззвучно легло на пол. Он закрыл бритву, положил обратно в карман, потом поднял валяющийся рядом с саквояжем молоток и направился к внутренней двери, из-за которой раздался женский голос:

— Джонатан, ужин готов.

«Художник» толкнул дверь и наткнулся на невысокую худощавую женщину, как раз собиравшуюся выйти в помещение магазина. У нее был такой же унылый вид, как у хозяина. Глаза ее широко раскрылись, и женщина с удивлением уставилась на незнакомца в рабочем халате.

— Вы кто такой, черт возьми?

Коридорчик был узкий, с низким потолком. Убийца успел его мельком заметить неделю назад, когда изображал интересующегося покупателя. В этом тесном пространстве, чтобы нанести сокрушающий удар, ему пришлось бить от бедра и вверх, прямо в подбородок несчастной. От удара голова женщины запрокинулась, она застонала, и убийца швырнул ее на пол. Потом опустился на одно колено и, имея теперь пространство для размаха, ударил второй раз. И третий, и четвертый...

Справа находилась дверь в кухню, откуда доносились ароматы вареной баранины. Убийца услышал

звук разбившейся тарелки, вскочил, бросился в кухню и увидел девушку-служанку. Он также обратил на нее внимание неделю назад — тогда ее отправили из магазина с поручением. Девушка открыла рот и собралась закричать, но «художник» уже широко размахнулся и нанес удар сбоку, обрывая крик и сокрушая челюсть.

— Мама! — захныкал ребенок.

Убийца развернулся на месте и увидел в коридоре девочку лет семи с волосами, заплетенными в косички. Она сжимала в руках тряпичную куклу и с ужасом смотрела на распростертое на полу тело матери.

— Ты, наверное, Лора, — произнес «художник».

И с силой опустил молоток ей на голову.

На кухне застонала служанка. Он вернулся и перерезал девушке горло.

Потом перерезал горло матери.

И девочке.

«Художник» стоял и, вдыхая аромат баранины, смешивающийся с запахом свежей крови, созерцал созданную им картину. Сердце с такой силой колотилось в груди, что он едва мог дышать.

Он закрыл глаза.

И вынужден был открыть их, когда снова услышал детский плач.

Доносился он откуда-то из глубины дома. Убийца подошел к двери и обнаружил, что та ведет в загроможденную мебелью и пахнущую плесенью спальню. При свете свечи он увидел колыбельку с поднятой плетеной крышкой. Оттуда и доносились крики.

Убийца вернулся на кухню, взял молоток, прошел в спальню и разбил на куски колыбельку, не пропустив и ее содержимого. Потом он, по обыкновению, перерезал жертве горло.

Бездыханное тельце он снова завернул в сверток и положил под сорванную крышку.

Свеча как будто засияла ярче, и «художник» внимательно рассмотрел свои руки, блестящие от только что пролитой крови. Халат, так же как и ботинки, окрасился в алый цвет. Глянув в обшарпанное зеркало, стоящее на блеклом коричневом бюро в спальне, он убедился, что борода, парик и шапка тем не менее остались чистыми.

Он зашел на кухню, налил в тазик воды из кувшина и тщательно вымыл руки. Потом разулся и отмыл от крови ботинки. Халат он снял, свернул и положил на стул.

Оставив окровавленный молоток на столе, «художник» вышел в коридор и оттуда полюбовался зрелищем тела служанки, лежащей на полу в кухне. Он закрыл дверь, потом прикрыл и дверь в спальню. Затем направился в магазин и по дороге остановился, чтобы оценить, насколько красиво будут смотреться на залитом кровью полу коридорчика трупы матери и ее семилетней дочери.

Он прикрыл дверь, ведущую в жилую часть дома, и осмотрелся. Тело хозяина можно было увидеть, только если заглянуть за прилавок. Да, первый утренний покупатель столкнется здесь с массой сюрпризов.

Ужас и жалость.

Изящное искусство.

Вдруг кто-то постучал с улицы, заставив убийцу подскочить на месте.

Стук повторился. Кто-то настойчиво пытался проникнуть внутрь, но «художник» с облегчением убедился, что дверь надежно заперта на засов.

На входной двери не было окошка. Кто бы там ни стучался, при опущенных жалюзи он не мог увидеть, что происходит в доме, хотя, очевидно, свет от лампы проникал на улицу сквозь щели.

— Джонатан, это Ричард! — громко позвал мужской голос. — Я принес одеяло для Лоры. — Он снова застучал. — Джонатан!

— Эй, что здесь такое происходит? — раздался властный голос.

— Констебль, рад вас видеть.

— И что вы тут делаете?

— Это магазин моего брата. Он просил принести еще одно одеяло для дочки. Она простудилась.

— И почему вы ломитесь в дверь?

— Он не открывает. Он ждет меня, но почему-то не открывает.

— Постучите громче.

Дверь задрожала от ударов.

— Сколько здесь проживает человек? — поинтересовался полицейский.

— Мой брат, его жена, девушка-служанка и две их дочки.

— Кто-то должен был услышать ваш стук. Здесь есть еще один вход?

— Да, в том переулке. За стеной.

— Стойте здесь, а я погляжу.

Убийца подхватил с пола саквояж и выбежал в коридорчик, не забыв при этом затворить дверь. Сердце его от волнения громко стучало. Он промчался мимо тел матери и ребенка, едва не потерял равновесие на скользком от крови полу и отпер дверь черного хода. Выскочив в маленький внутренний дворик, он снова не пожалел несколько драгоценных секунд, чтобы закрыть за собой дверь.

Густой туман пах дымом из печных труб. В темноте убийца разглядел какое-то небольшое сооружение — туалет, решил он, — и спрятался позади него в ту самую секунду, когда пыхтящий от напряжения кон-

стебель перевалился через стену и осветил дворик фонарем.

— Эй, — позвал он хриплым голосом. Приблизился к двери черного хода и постучал. — Я полицейский! Констебль Беккер! У вас все в порядке?

Он открыл дверь и вошел в дом. Услышав, как полицейский охнул от ужаса, убийца повернулся к возвышающейся за туалетом мрачной стене.

— Боже милостивый, — растерянно пробормотал констебль.

Очевидно, он обнаружил в коридоре трупы женщины и девочки. Деревянные планки пола отчетливо скрипели под его ногами, когда полицейский подходил к убитым.

«Художник» не преминул воспользоваться тем, что констебль в эту минуту был озабочен только кошмарным зрелищем. Он поставил саквояж на стену, подтянулся на руках, схватил саквояж и спрыгнул с другой стороны. Там он приземлился на грязный склон, прокатился по нему до самого низа, где едва не свалился в глубокую лужу и насквозь промочил нижнюю часть брюк. При этом убийца, как ему показалось, произвел столько шума, что он испугался, как бы не услышал констебль. Повернув направо, он побежал вдоль стены и быстро скрылся в тумане. Крысы бросались врассыпную из-под ног.

Он услышал, как позади поднимается тревога. Каждый лондонский патрульный имел при себе деревянную трещотку, представлявшую собой массивную лопасть, насаженную на рукоятку. Крутясь, лопасть издавала громкие щелкающие звуки. Сейчас констебль пустил в ход свою трещотку, и поднявшийся шум не могли не услышать другие полицейские, патрулировавшие ближайшие окрестности.

Убийца добрался до почти целиком скрытого в тумане переулка. Единственным источником света здесь служил фонарь, находившийся в дальнем его конце.

— Помогите! Убийство! — громко крикнул полицейский.

— Убийство? Где? — заорали в ответ.

— В магазине моего брата! — ответил третий голос. — Сюда! Ради всего святого, помогите!

Повсюду открывались окна, распахивались двери. Вечернюю тишину нарушил топот множества ног.

«Художник» дошел до конца переулка. Фонарь давал достаточно света, и он быстро спрятал окровавленную бритву за кучей мусора. Совсем рядом, скрытые туманом, на крики и шум, производимый трещоткой констебля, промчались несколько человек.

Когда топот стих, убийца выбрался из переулка и зашагал по улице в противоположном направлении, держась ближе к темным домам, готовый в любой момент нырнуть в переулок или укрыться в нише, если услышит за спиной шаги преследователей. Гомон растущей возле магазина толпы постепенно превратился в отдаленное эхо.

Он нашел общественный туалет, снял там желто-волосый парик и бросил его в дырку в полу. За ним последовала борода. Через пять минут, добравшись до границы более приличного квартала, «художник» скинул матросский костюм и снова переоделся в аккуратное вечернее платье. Ненужную больше одежду вместе с кепкой он свернул в узел и оставил на углу — утром какой-нибудь бедняк с радостью ее подберет. Чуть подальше он швырнул в кучу мусора заляпанный грязью саквояж. Он тоже легко найдет себе нового хозяина.

Ориентируясь в густом тумане на топот конских копыт, убийца вскорости вышел на довольно ожив-

ленную улицу. На стоянке возле ресторана дожидался пустой кеб. Возница со своей верхотуры окинул взглядом потенциального клиента, заметил вечерний костюм и решил, что этот пассажир, пожалуй, вызывает у него доверие в столь поздний час.

Пока экипаж вез его в мюзик-холл в Вест-Энде, «художник» протер носовым платком ботинки, очищая их от грязи. Оказавшись в мюзик-холле, он прикинулся заядлым театралом, который захотел посмотреть что-нибудь повеселее после кровавой развязки в финале «Корсиканских братьев». По окончании представления он снова поймал кеб (последний на сегодня) и отправился домой. По дороге он размышлял, испытывали ли когда-нибудь Тициан, Рубенс и ван Дейк такое же удовлетворение от своих творений, какое испытал сегодня он.

ГЛАВА 2

Человек, который скрывал свои рыжие волосы

Управление полиции Лондона было создано в 1829 году и стало первым официальным органом охраны правопорядка в Англии. Прежде обязанность обеспечивать безопасность горожан возлагалась на престарелых ночных сторожей; им выдавали трещотку и тусклый фонарь, и каждые полчаса, совершая обход по своему району, они должны были переключаться с товарищами. Частенько, однако, пожилые сторожа преспокойно спали всю ночь в крохотных караульных будках. Когда население Лондона выросло до полутора миллионов, сэру Роберту Пилу было поручено создать городскую полицию. Первые лондонские полицейские (числом три с половиной тысячи) быстро стали известны как «бобби» или «пилеры», по имени сэра Роберта¹.

К 1854 году население английской столицы достигло почти четырех миллионов — это был крупнейший город во всем мире. В то же время численность стражей правопорядка составляла около семи тысяч,

¹ Слово «peeler» можно перевести с английского как «обдирала», а Бобби — уменьшительное от «Роберт». — *Здесь и далее примечания переводчика.*